

ной в записи С. Т. Аксакова. Героиня «Аленького цветочка» служит конкретным примером высокой, бескорыстной любви, сила которой помогает девушке спасти от смерти отца и снять злые чары колдовства с человека, которого она полюбила за душевную его красоту, преодолев отвращение, вызываемое его чудовищной внешностью.

Инсценировка этой сказки И. Карнауховой и Л. Браусевича, несвободная от ряда недостатков, подкупает своею слаженностью, верностью духу аксаковской сказки и живой народной речью.

Пьеса-сказка «Золотое сердце», написанная саратовским драматургом А. Матвеевко, по своему сюжету очень близка пушкинской «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях». Красавица Хадазата, обладательница чудесного зеркала, дочь Кашея, наследница его злобной колдовской силы; в жажде богатства и власти она вышла замуж за вдового царя — придурковатого, безвольного, смешного и даже жалкого в своей детской беспомощности. Прослышав, что царь обещал в приданое своей дочери Светлане семь торговых городов, Хадазата задается целью расстроить свадьбу, преследует царевну, прогоняет из дому царского приемного сына Василия; она угнетает и терроризирует прислуживающее ей Зеркальце, которому автор дал человеческое обличье. Царице повинуются и нечистая сила в лице ведьмы и лешего, строящих козни против Светланы и Василия. Соответственно и гибель злой царицы в финале пьесы является следствием активной и целенаправленной борьбы, объединившей усилия всех, кто страдал от ее гнета, т. е. взбунтовавшегося Зеркальца, Чернавки и Василия, которому на помощь пришли его шестеро братьев, у которых скрывалась Светлана.

Таков замысел сказки. Сам по себе он вполне закономерен. Но идейно-тематическая задача «Золотого сердца» больше выражена в обрамлении сказки, в ее зачатке и финале, в песне, которую няня поет девушкам в первой картине, чем решена в основном сюжете.

Пьеса П. Малиревского «Чудесный клад» резко отличается по жанру и от «Аленького цветочка» и от «Золотого сердца».

Она написана по мотивам монгольских народных сказок; фактура ее — бытовая, тема — борьба бедняков с жадным и ску-

пым баем — социальная, характеристики ее отрицательных персонажей — бая, его жены, судьи — сатиричны, сюжет ее — комический. Что касается главного героя — пастуха Баира, которого бай ограбил и избил, то остается неясным, должен ли режиссер превращать Баира в «социального героя» или сделать его «комическим простаком».

Дело в том, что чудесный клад, обладателем которого становится Баир, представляет собой огромный глиняный горшок, который обновляет и удваивает те предметы, которые в него попадают: бросишь монету, — из горшка выскочит две; кинешь старые унты, — получишь две пары новых и т. д. Но и получив такой клад, Баир не мечтает о личном обогащении: первые дары волшебного горшка он отдает бедняку Церену, который по уши задолжал бывшему его хозяину Галсану. Затем Баир одевает в новые одежды всех бедняков, одним словом, горшок служит на благо народу и нейтрализует силу мироеда Галсана. С помощью продажного судьи Галсан завладевает горшком, но в нем же находит он и свою гибель: и Галсан и его жена падают в горшок, оттуда вылезают два Галсана и две жены, начинают драку из-за горшка, толкают в горшок не рассудившего их судью. Но когда вся эта компания вторично залезает в горшок для того, чтобы их полку прибыло и чтобы они могли осилить Баира и весь народ, — Баир произносит заклятие, и тяжелая крышка навсегда захлопывает горшок.

В таких сюжетных обстоятельствах тема социальной борьбы в образе Баира, главного носителя этой темы, не может достигнуть настоящего драматического напряжения: пафос, чуть зародившись, разбивается о смех, о веселый, задорный, торжествующий смех зрителей, которые то радуются успехам Баира и его друзей, то вволю потешаются над тем, в какое дурацкое положение попадает Галсан.

Фольклористика делит обычно народные сказки на волшебные и бытовые, отказывая последним в элементах чудесного и признавая за ними большую реалистичность, большее приближение к жизни. Да, подходя формально, в сказках об умном мужике и глупом барине, как и в сказках о животных, волшебства как такового нет, и реальная жизнь, их породившая, находит в них более непосредственное отражение. И по своему